

A man with a beard and a woman with long red hair are the central figures. The man, on the left, has a serious expression and is wearing a black suit over a white shirt. The woman, on the right, is looking over her shoulder at the camera and is wearing a red sequined dress. The background is a light, textured grey.

АСЯ ИСАЙ

Развод

*Слишком женат
для счастья*

Ася Исай

Развод. Слишком женат для счастья

<https://litres.ru/74379523>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Я сплю с Ольгой уже полгода. Она девочка совсем. С ней я чувствую себя мужчиной? А Варвара... Хорошая хозяйка, но как женщина... Ну ты понимаешь. Двадцать пять лет брака дают о себе знать. Душно. А Олька легкая.

— А Варвара не догадывается?

— Да какая там Варвара. Она уже как мебель... Живёт в своём мире. Пироги печёт, книжки свои читает. Идеальная жена, блин.

Я совершенно случайно узнала об измене мужа. Можно было начать скандалить, швырять вещи и разводиться, но удобная, привычная, молчаливая я умерла на месте.

Ты наприсился, милый! Я больше не буду пустым местом.

Я буду огнем.

И горе тем, кто окажется слишком близко.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ася Исай

Развод. Слишком женат для счастья

Глава 1

— Слушай, ну да, Олька огонь. — голос мужа звучит по-особенному. Так, он говорил со мной... Лет пятнадцать назад. В голосе мальчишеский восторг, который я считала навсегда утраченным. — Она мне мозги выносит, конечно. Ревнует страшно. Капризничает. Двадцать всего исполнилось, что поделать. Но такая страсть! Хоть фильмы снимай!

Замираю, протянув руку к дверной ручке. Сердце делает странный кувырок, будто я пропустила ступеньку на лестнице. Олька? Какая Олька?

— А Варя не догадывается? — в коридоре темно, только полоска света из-под двери освещает пространство. Уже готова ворваться в кабинет, как слышу свое имя.

Становится холодно. Или это мне кажется? Я жду ответа,

и каждая секунда растягивается в вечность. В висках стучит кровь.

— Да какая там Варя. — произносит безразлично, отстранённо. Муж будто говорит о постороннем человеке. Сергей смеётся, и от этого смеха мурашки бегут по спине. — Она уже как мебель... Живёт в своём мире. Пироги печёт, книжки свои читает. Идеальная жена, блин.

Мебель.

Я мебель.

Удобная, привычная, молчаливая.

Моя рука уже на ручке — сейчас я ворвусь, закричу, размажу проклятый пирог, который делаю второй час, по его самодовольной физиономии. Покажу, какая я мебель...

Но что-то останавливает. Может, привычка сдерживаться, воспитанная годами? Или холодный расчёт, внезапно включившийся в мозг?

Я вижу эту сцену со стороны: растрёпанная жена врывается с истерикой, муж закатывает глаза, друг неловко прячет взгляд. Банально. Пошло. Именно так поступила бы «ме-

бель» — предсказуемо, удобно для него. Он бы успокоил, пообещал «поговорить», а потом... Потом всё вернулось бы на круги своя. Только я стала бы «истеричной мебелью».

Нет.

Медленно убираю руку от двери. В груди разливается странное ледяное спокойствие.

— А Ольга?

Бокалы с коньяком, которые я несла мужу и его другу, начинают мелко дрожать в моих руках. Янтарная жидкость плещется о стенки хрусталя.

— Ольга — это другое, — мурчит как довольный кот. — Я сплю с ней уже полгода. Она девочка совсем. Огненная. Первый я у нее был. С ней я чувствую себя мужчиной, понимаешь? А Варвара... — он вздыхает. — Варвара — хорошая хозяйка, но как женщина... Ну ты понимаешь. Двадцать лет брака дают о себе знать. Всё по расписанию, всё предсказуемо. Даже в постели. Душно. А Олька легкая.

Кровь отливает от лица. Колени подгибаются, приходится прислониться к стене. Холодная штукатурка обжигает сквозь тонкое платье.

— И что дальше? — спрашивает Игорь.

— Пока не знаю. Ольга давит, хочет серьёзных отношений. А у меня дом строится, дочь универ заканчивает, бизнес. Разводиться накладно. Да и Варвара... Она же без меня пропадёт. Не работала никогда толком, сидела дома. Куда она денется в её годы?

Я открываю рот, чтобы вдохнуть, но воздух не идёт. В ушах звенит. "В её годы" — мне всего сорок! А вот ему почти пятьдесят! Завел себе девку младше нашей дочери и радуется!

Полгода. Полгода он приходит домой из чужой постели, целует меня, ложится рядом. Полгода я глажу его рубашки, готовлю ужины, жду...

Нужно уйти, пока не услышала больше. Но ноги приросли к полу. Или влететь в кабинет, устроить скандал?

— А в постели она как? Ольга-то? — Игорь хихикает мерзко, по-мужски.

— О, это что-то! Такие фокусы вытворяет... М-м-м. Варвара за все время брака даже доставлять удовольствие не научилась. А Ольга...

Дальше я не слушаю. Разворачиваюсь, на ватных ногах иду обратно на кухню.

В кабинете хохочут. Игорь что-то рассказывает — слышны обрывки фраз про чью-то жену. Они всегда смеются над жёнами. Станный мужской ритуал — унижить ту, с которой делишь постель. Ту, которую сам выбрал и обещал быть верным.

Ставлю бокалы на стол, смотрю на янтарную жидкость. Поднимаю один, выпиваю залпом. Коньяк обжигает горло, но я не чувствую вкуса. Второй бокал следует за первым. В желудке разливается огонь, но внутри всё равно ледяной холод.

Наливаю новые порции автоматически. Руки не дрожат — странно. Должны бы дрожать. Иду обратно, стучу:

— Мальчики, коньячок принесла!

Мой голос звучит на удивление нормально. Захожу, улыбаюсь. Зачем это делаю, сама не понимаю.

— Спасибо, дорогая, — Сергей сидит в своём любимом кожаном кресле. Он, не глядя на меня, берёт бокал.

Я стою, смотрю на его затылок. Редящие волосы, которые он зачёсывает набок. Когда успел постареть? Или я просто не замечала? Любила. Идиотка...

— Что-то ещё нужно? — спрашивает, не оборачиваясь, и я вздрагиваю от звука его голоса.

— Нет, милый. Отдыхайте.

Выхожу, аккуратно прикрываю дверь. В коридоре прислоняюсь к стене, считаю до десяти. Потом до двадцати. До ста.

Иду в ванную комнату, запираю дверь на щеколду. В зеркале — чужое лицо. Бледное, с резко обозначившимися морщинами. Когда появилась эта складка между бровей? А сеточка в уголках глаз? Русые волосы выцвели, и седая прядь у виска предательски серебрится в свете ламп.

Включаю воду в душе на полную мощность. Горячая, почти кипяток. Пар заполняет маленькое пространство, зеркало запотеваает. Сажусь прямо в платье на край ванны и, наконец, отпускаю себя.

Рыдания вырываются из груди, как будто кто-то выдирает их клещами. Вода шумит, заглушая всхлипы.

"Как женщина..." Слова бьют под дых снова и снова. Я от-

дала ему столько лет. Родила дочь, создала дом, поддерживала в трудные времена. Когда его бизнес едва не прогорел, продала мамины украшения, заложила родительскую квартиру. Когда он болел, не отходила от постели. А в итоге я для него просто удобная домработница.

Умываюсь ледяной водой. Раз, другой, третий. Кожа горит, но голова проясняется. Нужно выйти. Улыбаться. Играть роль идеальной жены.

В голове крутится план. Не показывать, что знаю. Собрать доказательства. Узнать, кто такая Ольга. И потом... Потом посмотрим, кто из нас "пропадёт".

Таймер звенит. Пирог готов. Достаю из духовки. Идеальный: золотистый, ароматный, с карамелизированными краями. Из-под решётки из теста сочится яблочный сок с корицей.

Дверь кабинета открывается. Игорь выходит первым:

— Варвара Андреевна, как вкусно пахнет! Ты как всегда волшебница!

— Спасибо, Игорь. Останешься на ужин? — улыбаюсь. Спокойно, радушно. Откуда только во мне столько выдержки?

— Нет-нет, спасибо. Жена ждёт.

Интересно, что он говорит о своей жене за закрытыми дверями?

Сергей выходит следом. Подходит, чмокает в щёку — небрежно, по привычке. Меня выворачивает от этого прикосновения.

— Пирог испекла? Умница.

Умница... Как собаке: «Молодец, принесла тапочки». Меня мутит от этого парада лицемерия.

— Твой любимый. Сейчас накрою на стол.

Он уже не слушает, проверяет телефон. Улыбается сообщению. Пальцы быстро печатают ответ. Ольке?

Накрываю на стол. Фарфор, серебро, льняные салфетки. Красиво, как он любит. Как подобает прислуге — создаю уют, не привлекая внимания к себе.

За ужином он рассеян. Ест машинально, хвалит дежурно. Рассказывает о работе — вполуха слушаю про контракты и поставки. Всю жизнь одни и те же истории, только суммы

растут.

— Завтра задержусь. Совещание с партнёрами.

— Хорошо, — пожимаю плечами.

Совещание. Может, мне стоит проверить это «совещание»?

Убираю со стола. Он уходит в гостиную в обнимку с телефоном. Всё как обычно. Привычный вечерний ритуал длиною в четверть века. Хорошо, что он не понял, что все уже изменилось.

Сначала нужно всё узнать, всё подготовить. Я буду идеальной женой. Ещё более идеальной, чем прежде. Настолько идеальной, что он расслабится окончательно. А потом...

В спальне ложусь на свою половину кровати. Закрываю глаза, но сон не идёт. В голове крутятся его слова, перебираю последние месяцы. Поздние возвращения. Командировки выходного дня. Новые рубашки, которые он покупал сам. Усталость и раздражение без повода.

Полгода. Пока я пекла пироги и ждала у окна, он был с ней. Пока я гладила его рубашки, он снимал их в чужой квартире. Пока я засыпала одна, он...

Переворачиваюсь на живот, утыкаюсь лицом в подушку. Нужно взять себя в руки. Завтра начинается новая жизнь. Моя война за себя.

Из гостиной доносится смех. Довольный, сытый. Смех победителя.

Посмотрим милый, кто будет смеяться в финале.

Глава 2

Не могу лечь рядом с ним. Просто физически не могу. Моя грудная клетка сжимается от одной только мысли, что придется делить с ним одну постель. Тело отказывается подчиняться, каждая клеточка моего существа восстает против этой близости. Кожа покрывается мурашками отвращения, когда представляю его дыхание рядом, его тепло под общим одеялом. Желудок скручивает в тугий узел, и я чувствую, как подкатывает тошнота.

Прижимаю плед к лицу, вдыхаю. Лаванда смешивается с едва уловимым запахом маминых рук — крем «Невская косметика», которым она пользовалась всю жизнь. Мама связала этот плед в последний год, когда пальцы уже плохо слушались, артрит скрючивал суставы. Она вязала через боль, останавливалась, растирала кисти согревающей мазью, и снова — петля за петлей. «Чтобы тебе было тепло, доченька», — сказала вручая. Голос у нее тогда уже был слабый, но глаза светились такой любовью, что я разревелась прямо там, в больничной палате.

Сейчас это единственное, что может меня согреть. Не физически. Внутри такой холод, будто арктические ветры про-

дувают душу насквозь.

Иду в гостиную, стараясь ступать бесшумно по паркету. Под босыми ногами чувствую каждую щель между досками, каждую неровность. Возле двери скрипучая половица. Я автоматически делаю широкий шаг, обхожу ее.

Гостиная встречает полумраком. Уличный фонарь — новый, светодиодный, поставили месяц назад — бросает резкие белые полосы через жалюзи. Они ложатся на паркет геометрическим узором, похожим на тюремную решетку. Как символично. Я действительно была в тюрьме все эти годы, просто прутья были невидимыми.

Опускаюсь на диван, подтягиваю колени к груди, обхватываю руками. Поза эмбриона. Где-то читала, что так человек инстинктивно пытается защититься от мира, вернуться в безопасность материнской утробы. Я защищаюсь от собственной жизни. От осознания, что четверть века прожита зря.

Тишина обманчива. Ночная квартира живет своими звуками. Холодильник на кухне гудит басовито. Из вентиляции доносится далекий шум. Часы на стене массивные, с боем размеренно тикают. Тик-так, тик-так — отмеряют секунды моей разрушенной жизни.

И вдруг — новый звук. Скрипнула кровать в спальне. Сергей ворочается. Кашляет — сухо, коротко. Потом тишина. И через минуту — характерный звук разблокировки телефона. Тихий, но в ночной тишине — как выстрел.

Прислушиваюсь не стыдясь. Какой тут стыд? Стыд умер несколько часов назад.

— Да, детка... — голос Сергея доносится приглушенно. — Она ничего не заподозрила. Спокойная, как танк.

Как танк? Пальцы сами собой сжимают край пледа. Бронированная Варвара. Бесчувственная машина, которую можно безнаказанно обманывать. Интересно, а как он меня называл раньше? Солнышко? Котенок? Забыла. Вытерла из памяти вместе с другими иллюзиями.

— Я же говорил, не дергайся. Всё под контролем. Устроим юбилей, и я скажу ей. Или не скажу... Посмотрим по ситуации.

Смеется. Тихо, глухо, прикрывая трубку ладонью. Но я слышу. В этом смехе — превосходство победителя. Он уверен, что играет в шахматы с предсказуемым противником. Что я пешка, которую можно двигать по доске как угодно.

— Да не ревнуй ты. Просто пока неудобно. Бизнес, понимаешь... Репутация...

Репутация. Святое слово в его лексиконе. Ради репутации он готов на всё. Даже жить с нелюбимой женой.

Будет тебе милый слава! Я уж об этом позабочусь!

— Главное — не лезь пока. Не звони. И в офис тоже.

Значит, она торопит его. Требуется определенности. Молодая кровь бурлит, хочет официального статуса. Квартира в центре, машина с водителем, шопинг в Милане.

— Ладно, спи, малышка. Завтра созвонимся.

Ухожу на кухню, не заботясь о том, что он меня услышит. Включаю чайник.

Взгляд падает на полку над микроволновкой. Там, за коробкой с чаем, я знаю, лежит его записка. Обнаружила случайно, когда делала генеральную уборку. Пачка сигарет и зажигалка. Он «бросил» курить пять лет назад после того, как у партнера случился инфаркт. Бросил — для всех. А для себя оставил тайник. Маленькая ложь. Из таких маленьких ка-

пель складывается океан большого обмана.

Достаю пачку «Парламента», зажигалку, накидываю на плечи старый кардиган. Открываю дверь максимально тихо. На лестничной площадке датчик движения включает свет — резкий, белый, больничный.

Сажусь прямо на ступеньки. Бетон холодный даже через кардиган, но мне всё равно. Вытряхиваю сигарету из пачки. Никогда не курила. Даже в институте, когда все девчонки баловались, я морщила нос и открывала окна в общежитии. «Правильная Варя», — дразнили подруги.

Сигарета легкая, невесомая между пальцами. Белый фильтр, золотистая полоска. Щелкаю зажигалкой — раз, другой. Искра, пламя. Красивое, живое, танцующее. Подношу к сигарете, прикуриваю неумело. Первая затяжка — и сразу кашель. Дым обжигает горло, легкие отказываются принимать эту гадость.

Кашляю, сгибаюсь пополам. Слезы выступают на глазах. Даже закурить нормально не могу.

— Эй, ты чего? — голос сверху, мужской, обеспокоенный.

Поднимаю голову. На площадке этажом выше стоит муж-

чина. Высокий, плечистый, в спортивных штанах и обтягивающей футболке. Даже в полумраке видно рельеф мышц.

Он спускается, движения легкие, пружинистые. Спортсмен или военный в прошлом — выправка выдает.

— Да так. Попробовать решила — бормочу, утирая слезы.
— Некурящая я.

Он присаживается рядом — не вплотную, тактично оставляя дистанцию. Забирает у меня сигарету, тушит о ступеньку.

— И не надо начинать. Гадость редкостная. Чтобы ни случилось, сигареты это не исправят. И ничем не помогут.

Голос низкий, грудной. Пахнет от него чистотой — гель для душа, дезодорант. Волосы еще мокрые, будто только убежал из душа.

— Извините, — говорю.

Молчим. Он не спрашивает, что я делаю ночью на лестнице. Тактичный. Или равнодушный.

— Меня Руслан зовут, — говорит вдруг. — Пятый этаж,

сорок вторая.

— Варвара, — отвечаю автоматически. — Четвертый этаж...

— Знаю. Ваш пирог с яблоками на весь подъезд пахнет. Слюнки текут.

Смотрю на него снизу вверх. Лицо мужественное, открытое. Морщинки у глаз — от улыбки или от прищура. Седина в висках — ранняя, ему лет сорок, не больше.

— Если что... — встает. — Если помощь нужна или просто поговорить... Я в сорок второй. В любое время.

— Спасибо, — говорю. — Но у меня всё хорошо.

Он кивает. Понимает, что вру, но не настаивает.

— Ну, если хорошо... — поворачивается к лестнице. — Спокойной ночи, Варвара.

— Спокойной ночи, Руслан.

Поднимается, не оглядываясь. Легко, по две ступеньки. Дверь хлопает. Тишина.

Сижу еще минут пять, глядя на раздавленную сигарету. Первая в жизни. И последняя. Я не буду топить горе в отраве. У меня другой план.

Закрываю глаза. За веками не темнота, а фейерверк. Яркий, искрящийся, обжигающий. Мой персональный салют в честь конца старой жизни.

И начала новой.

Той, где я больше не буду пустым местом.

Я буду огнем.

И горе тем, кто окажется слишком близко.

Глава 3

Торговый центр встречает меня искусственной прохладой кондиционеров и запахом новой электроники, смешанным с ароматами из кофейни на первом этаже.

Магазин «ТехноМир» сияет неоновыми вывесками и экранами телевизоров, на которых беззвучно мелькают какие-то клипы. Я останавливаюсь у входа, делаю глубокий вдох.

У стендов с телефонами толпятся подростки. Девочка с розовыми волосами визжит от восторга, разглядывая новый телефон.

Продавец — мальчишка лет двадцати пяти, с начинающей пробиваться бородкой и футболкой с каким-то супергероем — оживает при моём приближении. На бейджике написано «Артём».

— Добрый день! Чем могу помочь? — его улыбка профессионально-приветливая, но глаза оценивающе скользят по моей фигуре.

Горло пересыхает. Сглатываю и заставляю себя говорить ровно:

— Мне нужно что-то... Камера. Компактная. Чтобы не привлекала внимания. И чтобы умела следить за движущимся объектом.

Артём оживляется ещё больше, потирает руки:

— О, у нас отличный выбор! Для дома? Дачи? — он подмигивает заговорщически. — За котиком наблюдать?

Смотрю ему прямо в глаза. Чувствую, как каменеют мышцы лица, а голос становится ледяным:

— За крысой.

Его улыбка слегка увядает. Неловкое молчание повисает между нами. Парень откашливается и поворачивается к витрине.

— Тогда вам вот эта модель подойдёт. Японская, размером с пуговицу. Датчик движения, ночная съёмка, запись на карту памяти. Работает от аккумулятора до десяти часов непрерывно.

Он достаёт коробочку, открывает. Внутри крошечный чёрный кубик, действительно не больше пуговицы. Беру его в руки почти невесомый. Удивительно, как в такой крохе по-

мещается целый мир наблюдения и контроля.

Киваю. В животе противно сжимается комок — не то тошнота, не то страх. А может, отвращение к самой себе. Вот она я милая, интеллигентная Варя, сорок лет, бывший преподаватель литературы в гимназии. Утонченная натура. Покупаю скрытую камеру, чтобы поймать мужа на измене. Спасибо, жизнь, за неожиданные повороты.

— Давайте три штуки, — возвращаю камеру парню.

— А у вас много крыс...

— Всего одна. Просто очень крупная.

— Тогда вам ещё вам может пригодиться вот это, — Артём достаёт другую коробку. — Диктофон. Тоже миниатюрный, активируется голосом. Можно прицепить магнитом под стол или... — он запинается, — в машину, например.

Сообразительный малыш.

Машина. Сергей так любит свой новый Мерседес. Интересно, возит ли он на нем свою Ольгу? Наверняка возит. Может, прямо на том сиденье, где обычно сижу я...

Желудок скручивает спазм. Хватаюсь за край прилавка, чтобы не пошатнуться. Нет-нет-нет! Не думать об этой гадости!

— Вам плохо? — Артём встревоженно наклоняется. — Может, воды?

— Всё в порядке, — выдавливаю улыбку. — Просто духота. Я возьму и камеры, и диктофон. И ещё... научите пользоваться?

Следующие полчаса он объясняет, как подключать к смартфону, как настраивать запись, как скачивать файлы. Я стараюсь запомнить, но в голове туман. Руки дрожат, когда пытаюсь нажать крошечные кнопки. На третий раз получается.

— Вы быстро учитесь! — одобрительно кивает Артём. — Многие дамы вашего... то есть, многие покупатели не сразу разбираются.

«Дамы моего возраста», — мысленно заканчиваю я. Да, мальчик, дамы моего возраста обычно покупают кремы от морщин и билеты в театр, а не шпионское оборудование. Докатилась...

Расплачиваюсь наличными. Специально сняла, чтобы в выписке по карте не светился чек.

— Ваша покупка, — Артём протягивает пакет. — И визитка магазина. Если будут вопросы — звоните. Удачи в...

Наблюдениях.

Выхожу из магазина на подгибающихся ногах. Пакет жжёт руку, будто внутри не электроника, а раскалённые угли.

Останавливаюсь у витрины ювелирного. За стеклом на чёрном бархате обручальные кольца. Золотые, платиновые, с камнями и без. Сверкают, переливаются под софитами. «Вместе навсегда» — гласит рекламный слоган. Розовые сердечки, голуби, счастливая пара на постере.

Смотрю на свою руку. Обручальное кольцо потускнело за годы. Царапины, вмятины. Следы прожитой жизни. Готовки, стирки, уборки. Случайно стукнулась о дверной косяк, когда бежала открывать Сергею. Поцарапала о решётку духовки, доставая его любимую курицу.

Быт съел золото. Как и любовь.

Навсегда — это сколько? Кажется, срок давности истёк. Гарантия кончилась. Пора сдавать в утиль и покупать новую модель. Помоложе, посвежее. С полным набором функций и без сбоев в программе.

Отворачиваюсь от витрины. Иду к выходу. Каблуки цокают по мраморному полу — цок-цок-цок. Как таймер бомбы. Время идёт. Обратного пути нет.

Дома первым делом иду в кабинет Сергея. Он на работе,

вернётся не раньше восьми. У меня есть время. Достāju камеру, ищу место. Книжная полка — слишком очевидно. Стол — может заметить. Взгляд падает на старинные часы на каминной полке. Подарок его начальника. Сергей ими гордится, часто протирает от пыли. Но за циферблатом есть небольшая щель...

Пристраиваю камеру, включаю. Проверяю на телефоне — обзор отличный. Видно весь кабинет, особенно диван у стены. Кожаный, коричневый. Интересно, удобно ли им там было?

Желчь подступает к горлу. Сглатываю. Не время. Не место. Потом. Когда соберу все доказательства, когда буду готова нанести удар — тогда можно будет позволить себе эмоции. А пока — только холодный расчёт.

Еще одна камера в нашу спальню. Креплю у карниза. Отличный обзор. Вся кровать как на ладони.

Если он приведёт её сюда, в нашу спальню, в нашу постель — я увижу всё. Каждое движение. Каждый вздох. Каждый стон.

Хочу ли я это видеть?

Нет.

Нужно ли мне это?

Да.

Для суда. Для развода. Для того, чтобы ткнуть ему в лицо доказательства. Чтобы он не смог вывернуться, соврать, оправдаться. Чтобы все увидели родственники, друзья, партнёры. Особенно партнеры. Какой он на самом деле. Образцовый семьянин Сергей Николаевич.

Остаётся машина. Спускаюсь в гараж. Мерседес Сергея стоит на своём месте, начищенный до блеска. Сегодня он уехал на другой машине. Открываю дверь — пахнет его одеколоном и кожей салона. И ещё чем-то... женскими духами? Или мне уже мерещется?

Пристраиваю диктофон под водительское сиденье. Магнит крепко держит.

Закрываю машину, поднимаюсь в дом. На кухне наливаю себе коньяк — из запасов Сергея. Он не любит, когда я пью крепкое. «Тебе не идёт», — говорит.

Залпом выпиваю. Обжигает горло, растекается теплом по

груди.

Вот так, Серёжа. Твоя милая, тихая Варя научилась пить коньяк и ставить прослушку. Спасибо за уроки. Ты отличный учитель.

В окне отражается женщина с бокалом. Не узнаю её.

Это уже не я.

Это кто-то другой.

Кто-то, кто умеет ждать.

Вот только чего-то не хватает. И вдруг понимаю — мне нужно измениться не только внутри. Снаружи тоже. Полное перевоплощение.

Открываю приложение доставки и выбираю то, что больше всего ложится на мое настроение. Немного косметики, парфюм поярче, а самое главное — коробка с краской. «Огненно-рыжий». Яркий, вызывающий цвет. Всегда мечтала попробовать, но не решалась. Что скажут коллеги? Что подумает Сергей?

А теперь-то какая разница?

Как там у Булгакова? «Я стала ведьмой от горя и бедствий, поразивших меня». Маргарита тоже преобразилась. Тоже искала своего Мастера. Только у неё была любовь, а у меня — месть.

Все привозят быстро, и первым делом я берусь за краску. Читаю инструкцию. Смешиваю компоненты. Резкий химический запах бьёт в нос. Надеваю перчатки, начинаю наносить. Прядь за прядью. Методично.

В телефоне пиликает сообщение. Сергей. «Задержусь. Не жди с ужином».

Конечно, не буду. Больше не буду ждать.

Время вышло. Смываю краску. Ярко-оранжевая вода пачкает стенки ванной, но мне впервые плевать.

Сушу волосы, боюсь поднять глаза. Наконец, смотрю в зеркало.

Рыжая. Ярко-рыжая. Как огонь. Как настоящее бушующее пламя. Хитрая рыжая лиса.

Улыбаюсь своему отражению. Хищно. Зло.

Привет, новая я.

Теперь охота начинается по-настоящему.

Глава 4

Серый вечерний свет пробивается сквозь тюлевые занавески нашей спальни, окрашивая комнату в тона увядающего дня. За окном моросит мелкий дождь. Тот самый назойливый, что превращает асфальт в зеркальную поверхность и заставляет прохожих поджимать плечи под тяжестью промозглой сырости.

Вода шумит за тонкой стеной ванной комнаты. Успокаивающий звук, который когда-то ассоциировался у меня с домашним уютом. Теперь он превратился в отсчет времени, отмеряющий драгоценные минуты моего расследования. Сергей принимает душ, а я сижу на краю нашей супружеской кровати, уставившись в экран ноутбука, словно в окно в параллельную вселенную. Вселенную лжи и предательства.

Пальцы скользят по тачпаду, перематывая записи с камер видеонаблюдения за прошедшую неделю. Камера в его кабинете исправно фиксирует каждое движение — вот он входит утром с чашкой кофе, вот склоняется над документами, вот отвечает на телефонные звонки. Монотонная чередка рабочих будней, где каждый жест до боли знаком и предсказуем.

Ускоряю просмотр. Дни проносятся в режиме быстрой перемотки. Сергей появляется и исчезает из кадра, словно призрак собственной жизни. И вдруг... стоп. Пальцы замирают над клавишами. На экране — он, но один. Но включается камера ноутбука для видеозвонка, и я вижу черты лица, которые заставляют мое сердце болезненно сжаться.

Она. Это точно она.

Каштановые волосы небрежно убраны в пучок, несколько прядей игриво выбились и обрамляют точеные скулы. Губы накрашены помадой цвета спелой вишни

— Серёжа, — ее голос звучит из динамиков ноутбука, и мне кажется, что она произносит его имя как заклинание, — когда ты приедешь? Я скучаю...

Сергей на экране выглядит усталым. Тени под глазами, непривычная сутулость плеч, нервное постукивание пальцами по столу.

— Не получится сегодня, Оль. Совсем никак. У меня... — он запинается, и я почти физически ощущаю его внутреннюю борьбу, — Дела дома. Варя что-то странно себя ведет в последнее время.

Оля. Это имя режет слух, как осколок разбитого стекла. Она вздыхает, и даже через экран ноутбука я чувствую ее разочарование — оно густое, вязкое, почти материальное.

— Понятно, — в ее голосе звучит едва заметная обида.
— Тогда до завтра?

— Увидимся, — кивает он, и связь обрывается. — В офис приходи.

Я откидываюсь на спинку дивана, словно меня ударили под дых. Воздух в комнате становится плотным, труднопроходимым. В груди разливается знакомое жжение — смесь ярости, боли и какого-то странного облегчения. Значит, не сегодня. Сегодня он дома, со мной, и это должно радовать. Но почему же внутри все так скребет и ноет?

Звук льющейся воды в ванной стихает. Слышу, как Сергей выходит из душа — шлепанье мокрых ног по кафельному полу, шорох полотенца. Резким движением захлопываю ноутбук. Экран гаснет, и комната погружается в серый полумрак, освещенный лишь неярким светом торшера в углу.

Мои пальцы дрожат, когда я беру с журнального столика кружку с остывшим кофе. Керамика приятно холодит ладони, и я прижимаю ее к груди, словно это может успокоить бешено колотящееся сердце. Кофе давно остыл, на поверх-

ности образовалась тонкая пленка, но я не замечаю. Мысли роятся в голове, как встревоженный улей.

Дверь ванной со скрипом открывается. Сергей появляется в дверном проеме. Волосы мокрые, на плечах небрежно накинут махровый халат. Раньше меня не волновали его прогулки по дому без одежды. Сейчас противно до тошноты.

— Варь, — он входит в комнату, и половицы скрипят под его весом. — Ты чего такая задумчивая?

Поднимаю глаза, стараясь придать лицу выражение невинного любопытства. Мои новые рыжие волосы падают на плечи тяжелыми волнами. Я до сих пор не привыкла к их цвету, к тому, как они меняют мое отражение в зеркале, делают меня почти незнакомой самой себе.

— Да так, — пожимаю плечами, — просто устала сегодня.

Он подходит ближе, и я чувствую тепло его тела, влажность кожи после душа. Сергей останавливается рядом с диваном, смотрит на меня сверху вниз, и в его взгляде что-то меняется. Он Становится мягче, но одновременно и более пристальным.

— Знаешь, я все никак не могу привыкнуть к твоему но-

вому образу, — говорит он, протягивая руку и ощупывая прядь двумя пальцами. — Эти рыжие волосы... ты стала совсем другой.

В его голосе звучит что-то странное — не восхищение, не нежность, а скорее... Недоумение? Словно он изучает незнакомую картину в музее, пытаясь понять, нравится ли она ему или нет.

Сердце начинает биться чаще. Я знаю, что сейчас последует. Он наклонится, поцелует меня в шею, прямо в то чувствительное местечко под ухом, которое всегда заставляло меня таять в его руках. Раньше я ждала этих моментов, жила ими, как наркоман своей дозой. А теперь...

Сергей наклоняется, и я чувствую его дыхание на своей коже. Губы касаются моего плеча, и внутри что-то переворачивается. Не от удовольствия. От отвращения. Резкого, животного, иррационального отвращения, которое поднимается из самых глубин живота и разливается по всему телу волной тошноты.

Не могу. Больше не могу.

Резко дергаюсь в сторону, словно меня ударило током. Кружка с кофе выскальзывает из рук и с глухим стуком па-

дает на ковер. Темная жидкость расплывается по светлому ворсу неровным пятном, и я смотрю на это пятно, как на символ всего, что пошло не так в нашей жизни.

— Варька! — Сергей отшатывается, в его голосе звучит смесь удивления и раздражения. — Ну ты и растяпа. Все на-
строение испортила. Как всегда.

Как всегда. Эти два слова падают в тишину комнаты, как камни в стоячую воду, и от них расходятся круги. Круги накопившейся за годы боли, унижения, молчаливого согласия с ролью неуклюжей жены, которая вечно что-то роняет, портит, делает не так.

Ярость вспыхивает во мне, как спичка, поднесенная к бензину. Горячая, ослепляющая, очищающая.

— Извини, — процеживаю сквозь зубы, но в голосе нет и тени раскаяния.

Встаю с дивана так резко, что кровь отливает от головы, и на секунду мир качается вокруг меня. Нагибаюсь за кружкой, чувствуя на себе его взгляд — недоумевающий, слегка осуждающий. Таким взглядом смотрят на капризного ребенка, который внезапно устроил истерику без видимой причины.

— Я уберу, — бормочу, идя на кухню за тряпкой.

В кухне включаю холодную воду и подставляю под струю запястья — старый способ остыть, которому меня научила мама. Вода ледяная, она жжет кожу и постепенно возвращает способность мыслить здраво. Смотрю на свое отражение в окне — рыжеволосая незнакомка с горящими глазами смотрит в ответ. Кто она? Кем я стала за эти недели слезки, подозрений и открытий?

Беру со стола тряпку, возвращаюсь в Спальню. Сергей уже переоделся в пижаму и деловито восседаая в кровать, листает телефон, делая вид, что инцидент с кофе его совершенно не волнует.

Опускаюсь на колени рядом с пятном, начинаю промакивать ковер. Ворс темнеет под тряпкой, впитывая остатки кофе, и я думаю о том, как легко оставить след и как трудно его потом вывести. Некоторые пятна остаются навсегда — едва заметные, но неустранимые напоминания о моментах неосторожности.

— Черт, ничего не выходит. Я вынесу мусор, — говорю, поднимаясь и собирая с журнального столика использованные салфетки.

Сергей кивает, не отрываясь от экрана телефона. Может, он пишет ей? Своей Оле? Договаривается о завтрашней встрече? Мысль об этом терзает меня, как заноза под кожей, но я делаю вид, что ничего не замечаю.

В прихожей беру только ключи. Чисто по привычке, хотя знаю, что вернусь через несколько минут. Или не знаю? Может, сегодня я дойду до лифта, спущусь вниз, выйду на улицу и просто пойду куда глаза глядят? Растворюсь в вечернем городе, стану частью толпы, еще одной рыжеволосой незнакомкой среди тысяч других незнакомцев?

Лестничная клетка встречает меня привычной прохладой и запахом старой краски. Ноги дальше не несут. Опускаюсь на ступеньку между этажами. Бетон холодный даже через джинсы, но мне нравится эта прохлада — она отрезвляет, заземляет. Здесь, в этом промежуточном пространстве между своей квартирой и внешним миром, я могу позволить себе просто дышать. Не притворяться. Не играть роль заботливой жены. Просто быть собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.